

ГОРОД: ИСТОРИЯ ОТЧУЖДЕНИЯ

© Е. В. Савенкова

Савенкова
Елена Владимировна
старший преподаватель
кафедры философии
Самарской
гуманитарной академии

Данная статья посвящена истории города, которая понимается здесь как история отчуждения. Рассматривая механизмы отчуждения в различных типах городского пространства, можно заметить как меняются стили выживания, а вместе с ними и возможности формирования различного рода сообществ.

Ключевые слова: город, отчуждение, психогеография, пространство, человекоразмерность.

Хуже всего не то, что мы завалены со всех сторон отбросами, а то, что мы сами становимся ими. Вся естественная среда превратилась в отбросы, т. е. в ненужную, всем мешающую субстанцию, от которой, как от трупа, никто не знает, как избавиться.

Ж. Бодрийяр. Город и ненависть

Возникновение города: новый опыт социализации

Конечно, город не соприроден человеку, ведь человек сформировался как существо искусственное среди естественных, задолго до возникновения такого социокультурного феномена, как город. Собственно, город – сам продукт патологической искусственности человека, его способности к излишним действиям, усложняющим все вокруг. Наивно ожидать, что город может стать мягким, открытым, органичным. Он всегда был и будет властным, сильным, холодным и жестким, но именно в этом смысле – «человечным». Можно сказать, что человек не есть город, но город есть человек. Как проекция, как голограмма. Потому представляется весьма интересным проследить те изменения, которые претерпел и продолжает претерпевать город, ведь в конечном итоге это изменения, которые претерпевает человек.

В самом широком смысле можно говорить о том, что *город* синонимичен понятию истории и цивилизации. Если мы вспомним, что первые следы существования человека относят к 50-40 тысячелетию до нашей эры, то история цивилизации (она же зачастую и история города) на этом фоне предстанет как совсем недавний взрыв с далеко и очень быстро разошедшимися последствиями. В самом деле, в сравнении с какими-то пятью-шестью тысячелетиями динамики исторических времен, «доисторическое спокойствие» длилось бесконечно долго. На первый взгляд, в образе жизни и базовых навыках людей в течение многих веков ничего не меняется. Способ обработки каменных орудий, форма кувшина, способ охоты и захоронения до невероятности стабильны и даже консервативны. Мы бы с высоты нашего постиндустриального полета сказали: ничего не изобретается. Но, отказавшись от привычного снобизма, можно себе представить, какова была интенсивность работы мысли, позволившая из «ничего» впервые создать нечто. Из камня – нож или резец, из глины – кувшин (кстати, нужно было еще додуматься до того, что воду можно куда-то от источника уносить и где-то сохранять), из шкур – одежду. Факт захоронения себе подобных и формирование вокруг этого процесса культа вообще поражает воображение. Столь странного и энергоемкого поведения не позволяло себе ни одно живое существо; ритуал захоронения, один из первых ритуалов, указывает на необходимость формирования нового пространства – пространства смысла. Какой же должна была быть та внутренняя работа, которая позволила из факта околевания себе подобных произвести основополагающий артефакт культуры – отношение к смерти?!

Одним словом, здесь мы хотим обратить внимание на то, что так называемый «доисторический период» ничуть не беднее на масштабные события, чем период «исторический», просто масштаб здесь другой.

До-цивилизационная, до-городская структура мышления застроена на формировании отношения к месту (вещи, роду) как к своему, принятому, очеловеченному. Граница своего и чужого здесь невероятно зыбка, даже сам образ человека и человеческого жилища весьма зыбок. Переживание-формирование места здесь, конечно, укладывается в границы сакрального (священного) и мирского, о которых писал М. Элиаде. «Человек первобытных обществ обычно старался жить, насколько это было возможно, среди священного, в окружении освященных предметов. Эта тенденция вполне объяснима. Для «примитивных» людей первобытных и древних обществ священное – это могущество, т. е. в конечном итоге самая что ни на есть реальность... Оппозиция «священное - мирское» часто представляется как противоположность реального и ирреального, или псевдореального... Достаточно лишь напомнить, каким содержанием наполнены понятия «место жительства» и «жилье», «природа», «инструменты» или «труд» для современного нерелигиозного человека, чтобы понять, чем отличается он от члена древних обществ или даже от сельского жителя христианской Европы. Для современного сознания физиологический акт (питание, половой акт и т. д.) – это обычный органический процесс, даже если число окружающих его табу (правила поведения за столом, ограничения, накладываемые на сексуальное поведение «добрыми» нравами) весьма велико. Но для «примитивного» человека подобный опыт никогда не расценивался как только физиологический. Он был или мог стать для него неким «тайнством», приобщением к священному»¹. Но здесь границы сакрального (священного) переживаются как *почти не мои*, поражающие воображение, а границы мирского как *почти мои*. В то

¹ Элиаде, М. Священное и Мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 19–20.

время как с возникновением древних городов область сакрального, как и область мирского, становится принципиально человеческой. Храм, кладбище, городская стена, ворота, конечно, воспринимаются сознанием как особые места для своих (для посвященных), но это уже принципиально рукотворные, человекообразные (какими бы гигантскими они ни казались) артефакты. В отличие от священной рощи, пещеры или источника, например.

Что же произошло в третьем тысячелетии до нашей эры, когда впервые родился город? «...Город – это скопление жилищ, как бы в страхе жмущихся друг к другу, обычно обнесенных стеной. Город – двуликое и трагическое детище двойственной истории человечества – стоит у истоков. “Городская революция” есть рубеж исторического и доисторического миров. Если в пещере, шалаше, палатке из шкур человек еще жил среди окружавшей его природы, то за стенами города он впервые создал свой собственный мир, пыльный, тесный, некрасивый, но все-таки свой. Город – символ изоляции человека от природы и одновременно символ его творческой активности... Стены оторвали человека от мира, но дали ему возможность по-новому взглянуть на мир... Даже изобретение земледелия не было таким резким разрывом с прошлым, как возникновение городов»².

Фактически мы можем здесь говорить о первой волне отчуждения, которая и является началом цивилизации. Отчуждение от собственной животной природы, от собственного рода в случае с древними городами впервые открывает возможность (или вынуждает?) к самоидентификации через общество, а следовательно, в свою очередь порождает вертикаль власти. Границы своего и чужого становятся намного пластичнее и в то же время определеннее. Зачастую эта граница совпадает с границей городской стены, которая одновременно защищает и подавляет. Защита и подавление – вот базовая функция города, исполняемая им до сих пор.

Впервые именно городское пространство вынудило представителей различных родов сосуществовать друг с другом. Если в архаическом обществе кочевого или охотничьего типа человек общался с себе подобными – то есть с кровными родственниками или членами тотема (что зачастую одно и то же), – то за стенами города пришлось находить общий язык с теми, кто чужд по природе. Так город воспитывает терпение, но в то же время создает новое (пусть и потенциальное) поле для конфликтов, агрессивное пространство.

Для того, чтобы удержать потенциальный конфликт от актуализации, необходима власть, причем весьма авторитарного типа. Город вертикален по своей сути, и это отражается не только в его ландшафте, но и в способе организации власти. От Китая и Индии до Бенина и Мексики, от Северной Африки до Греции и Рима возникали иерархические пирамиды, венчающиеся священной фигурой царя. Везде существовало несколько четко определенных каст и классов: знать, духовенство, воины, рабы или крепостные. Везде власть была жестко авторитарной. Везде социальное происхождение человека определяло его место в жизни. Для каждой касты существовало не только четкое место в социальной иерархии, но и свое место в структуре города. «Верхи» и «низы» здесь не просто метафора социального статуса, но и дислокация в городском пространстве. Вертикальная архитектура города напрямую связана с развитием вертикали власти.

Крупные городские метрополии, выросшие в Азии, Северной Африке и Южной Америке, держатся не только на новом сложном социальном устройстве, – здесь впервые формируются собственно экономические отношения: деньги и обмен товарами. Что,

в свою очередь, расширяет нарастающую волну отчуждения и создает почву для формирования социальной функциональности. Именно город формирует пространство самоидентификации через функцию: появляются не просто члены семьи или рода, но горшечники, каменщики, торговцы, красильщики и т. д. В некоторых древних городах и в городах средневековой Европы формируются целые функциональные кварталы, со своей организацией и спецификой отношений. Уже здесь пространство города весьма неоднородно и в дальнейшем на всем протяжении истории усложняется все больше и больше.

Кроме того, любой город скрывает тайну, невооруженным глазом не заметную. С одной стороны, он как магнит притягивает богатство, расширяет возможности, улучшает и облегчает жизнь человека. С другой стороны, подобно капризному механизму, требует постоянной поддержки инфраструктур (дорог, канализаций, водопровода и т. п.). Если забыть об этой невидимой и как бы само собой разумеющейся стороне, город из центра цивилизации за короткий срок превратится в зону катастрофы, в руины.

Весьма показательна в этом контексте судьба Рима – одного из величайших городов в истории. В конце V века путь в Римскую империю был открыт германцам, прельстившимся богатством и роскошью города, но они были воинами-кочевниками и видели только то, что доступно естественному взгляду. Они и не догадывались, что город не произрастает сам по себе, подобно дереву. Великий город стал рассыпаться на глазах. За короткое время Рим и его ближайшие провинции обезлюдели, целые области были заброшены, превратились в малярийные болота, а римский форум зарос травой, и на нем паслись дикие свиньи и бродили волки.

Жить в городе – это, как ни странно, особое искусство, которое развивается и усложняется из века в век.

Город эпохи индустриализации: Молох с человеческим лицом

Город средневековой Европы – центр образования, пространство свободы (впрочем, он же – рассадник чумы) – продолжает волну отчуждения, формируя сначала ремесленные корпорации, а затем новый класс, буржуа. Здесь впервые появляются нищие, занимающие законную нишу в пространстве города, полностью оторванные от традиции и корней, но отлично выживающие в городской среде и как бы даже ею прелюдированные. Здесь же конфликт «сильных» и «слабых» приобретает новый размах. Помимо ремесленников и цеховых подмастерьев, вырванных из родовых отношений, но создающих, тем не менее, корпорацию (как иерархическую модель нового типа), средневековый город формирует слой наемных рабочих-поденщиков, лишенных всякой корпоративной защиты и идентификации по профессиональному признаку. Ежедневно отряды этих людей собирались в специальном месте найма, откуда работодатель мог брать рабочую силу. Уже в Париже XII–XV вв. как труд, так и трудящиеся постепенно начинают обретать статус товара.

Город продолжает медленно деформировать человека вплоть до XVIII века, когда происходят новые радикальные изменения.

Триста лет назад (плюс-минус столетия) происходит взрыв, ударные волны от которого в разной степени распространились практически по всей Европе, разрушая традиционные общества и порождая совершенно новую цивилизацию. Таким взрывом была, конечно, промышленная революция. Высвобожденная ею гигантская сила изменила образ жизни миллионов. Урбанизация приобрела доселе невиданные масштабы, сформировав привычный для нас образ мегаполиса с промышленными центрами, обрастающими унифицированными рабочими районами, заполненными людскими потоками.

² Мень, А. История Религии. В поисках пути, истины и жизни. Т. 2. М., 1991.

Можно сказать, что к середине XX века в мире воцаряется «индустриальная цивилизация». Примерно с середины 50-х годов промышленное производство стало приобретать новые черты. Во множестве областей технологии возросло разнообразие типов техники, товаров и видов услуг. Все больше дробится специализация труда. Расширяются организационные формы управления. Город начинает функционировать в режиме производства-потребления, и все городские инфраструктуры подчиняются этим законам. Отчуждение, о котором начали размышлять уже во времена Великой Французской революции как о потере природного дара свободы, к XIX веку достигает невиданных размахов. Маркс однозначно связывает феномен отчуждения с логикой капиталистического производства.

Капиталистическое общество, прежде всего, основывалось на массовом производстве, массовом распределении, массовом распространении не только продукции, но и культурных стандартов. Во всех промышленных странах – от США до Японии – до недавнего времени ценилось то, что можно назвать унификацией, единообразием. Тиражированный продукт стоит дешевле. Индустриальные структуры, учитывая это, стремились к массовому производству и распределению.

Но машины лишили людей индивидуальности, а технология внесла рутинность во все сферы общественной жизни. Миллионы людей встают примерно в одно время, сообщая покидают пригороды, устремляясь к месту работы, синхронно запускают машины. Затем одновременно возвращаются с работы, смотря те же телепрограммы, что и их соседи, почти одновременно выключают свет; люди привыкли одинаково одеваться, жить в однотипных жилищах и т. д.

Распределение товаров, изготовленных на заказ, уступило место массовому распределению и массовой торговле, которые стали столь же привычным и основным компонентом всех индустриальных обществ, как и машины.

Таким образом, на одном уровне город эпохи индустриальной революции создал замечательно интегрированную социальную систему со своими особыми технологиями, социальными институтами и информационными каналами. Все элементы этой системы органично связаны и взаимозависимы. Однако на другом уровне город в очередной раз разрушил лежащее в основе социальной системы единство общества, создавая стиль жизни, полный экономической напряженности, социальных конфликтов и постоянно нарастающего психологического нездоровья. Типизация производства породила новый феномен – *типизацию Желания*. Молох индустриализации начал утрачивать человеческие черты и приобретать силиконовую маску, мило улыбающуюся с обложек глянцевого журналов.

В подобной напряженной ситуации неизбежно и закономерно возникновение противоположных тенденций и негативной реакции на вышеописанные процессы. Реакции, которая, впрочем, столь же закономерно рассеивается, теряет свою агрессивно-взрывоопасную концентрацию, – просто в силу того, что *равномерно распространяется* по волнам информационных потоков.

Ситуационисты и психогеография: правила выживания

Пятидесятые-шестидесятые годы XX века – трогательное и наивное время последних Революций. Тех, которые еще можно было писать с большой буквы не краснея, тех, которые еще не окончательно погрязли в медийно-цинических настроениях, а потому несли в себе веру в возможность освобождения. Вот-вот рассеется кокаиново-амфетаминный туман, и с очевидностью станет ясно, что и Землю в принципе остановить можно и сойти с нее есть куда. Достаточно «деклассировать» общество, и город преобразится.

В прежнюю, до-информационную эру за исследование зон городского отчуждения брались *ситуационисты* – революционная группа французских артистов и теоретиков во главе с Ги Эрнестом Дебором, автором бессмертного «Общества спектакля».

Законные потомки и бастарды города, ситуационисты были теми, кто острее, чем любое другое современное им течение, переживали проблемы современного города и развивали теоретические проблемы урбанизма. Ситуационисты, с одной стороны, считали город единственной и безальтернативной средой обитания современного человека. С другой же, свою практическую и исследовательскую задачу они видели в радикальном изменении самого отношения к городу. Думается, это здравое наблюдение, поскольку, словно мутанты черепашки-ниндзя, ситуационисты, будучи плоть от плоти города XX века, с ним же и борются. Иначе говоря, город – это своеобразный горизонт, очерчивающий любые возможные проявления как повседневной, так и теоретической жизни в современном обществе.

Город воспринимался ситуационистами одновременно в нескольких измерениях, прежде всего – как пространство жизни. Большинство ситуационистов при этом исходило из постулата, что это пространство изначально гуманно (в том смысле, что создано человеком для своего блага, для творчества и свободы), но искажено, приспособлено к утилитарным задачам, и потому современный город жесток и антигуманен. Меньшинство же полагало, что город вообще, по природе своей, агрессивен и тоталитарен, так как возник именно в качестве *оборонительного*, то есть военного сооружения. Однако обе группы сходились во мнении, что пространство *жизни* в современной реальности превращено в пространство *подавления* и поэтому необходимо его революционное преобразование.

Кроме того, город понимался как живой организм, несущий в себе собственную легенду и воздействующий этой легендой на жизнь и сознание горожанина. В незначительной степени легенда формировалась подлинной историей города, но в основном – по законам «общества спектакля» – мифом города, созданным литературой, музыкой, живописью и архитектурой, театром и кино, а также философскими, политическими, историческими текстами и мемуарами

И, наконец, город мыслился ситуационистами как материал для развития, база прогресса. Сельскую местность изменить нельзя: всякое изменение сельского пространства – это его урбанизация. А город дает бесконечное количество вариаций развития, с тем лишь уточнением, что все они всегда подчиняются логике городского пространства.

Поскольку ситуационисты были политически ангажированными художниками, они, помимо создания описанных выше проектов, активно занимались критическим осмыслением городской реальности. Разрешить проблемы городов в рамках капитализма в принципе невозможно, – настаивают радикалы. Идея революции как панацеи от всех бед еще витает в воздухе, и здесь светлая идея города как потенциально креативного пространства явно противопоставляется капиталистическим реалиям больших городов с их кризисом перепроизводства и перенаселения. Города создавались для решения экономических задач, стоящих перед капиталом, каковые задачи индифферентны чаяниям и потребностям отдельного индивида. Поэтому капитал будет сводить на нет все попытки приспособить город к решению собственно человеческих проблем, иначе говоря – все возможности гуманизировать город. В рамках такого понимания сущности современного города ситуационисты, с одной стороны, выдвигали наивные суждения радикального толка, с другой – часто выступали как пророки. В частности, они предсказали неизбежность транспортных проблем в крупных городах. По их мнению, навязыва-

емый капитализмом *консюмеризм* (от англ. consume – потребление) и манипулирование сознанием должны были породить экспоненциальный рост численности личного автотранспорта, что в свою очередь приведет к бесконечным пробкам на улицах и дорогах, загрязнению окружающей среды, деградации общественного транспорта и нарастанию отчуждения между людьми, изолированными друг от друга в своих автомобилях. Указывали они также и на неизбежность сведения центров городов до статуса простой функции постиндустриального общества. Становясь деловыми кварталами днем и центрами развлечений вечером, они деградируют, фактически перестав быть частью собственно города как места повседневной жизни человека.

Бесконтрольное стихийное разрастание мегаполисов, по мнению ситуационистов, неизбежно должно было воспроизводить «зоны имущественного неравенства» – кварталы бедных и богатых. Причем сначала бедные, как всегда, должны были тесниться на окраинах, в так называемых бидонвилях, но по мере ужесточения транспортных проблем, роста стоимости земли и загрязнения окружающей среды в центре городов, ситуация должна была меняться – имущие горожане должны были стремиться в пригороды, на простор и чистый воздух, а кварталы, окружающие деловой центр, должны были превратиться в гетто, в зоны нищеты. Предсказание это блестяще подтвердилось в 70-е – 80-е годы.

С точки зрения ситуационистов, при капитализме невозможно было решить и проблему «промзон» и «спальных районов». Индустриальный способ производства и частная собственность на средства производства препятствуют ликвидации эстетически безобразных и абсолютно античеловеческих по своему духу промышленных зон. Ограниченные доходы наемных работников предполагают неизбежность массовой однообразной, эстетически убогой застройки в спальных районах, типизацию городского повседневного быта, его принципиальную нечеловеческую размерность.

Далее: современный промышленно-чиновничий город провоцирует агрессию и насилие. (Хотя, на наш взгляд, город как таковой – уже поле для агрессии). Причем чем меньше историческое прошлое и архитектурно-историческое своеобразие нес в себе город, тем большую агрессию он вызывал. Итак, мы можем видеть, что ситуационисты явно противопоставляют план личности, личностной истории, памяти (своего рода внутреннего «сакрального» поля, о котором тоскует современный человек мегаполиса) и план массового «мирского» производства и потребления.

Ситуационисты разработали психогеографию, определяя ее как «исследование специфических эффектов, которые, намеренно или ненамеренно, оказывает географическое окружение на эмоции и поведение индивидов»³. В лучших марксистских традициях деятельной борьбы они составляли карты, исследуя возможности освоения пространства и города, ведь карты представляют собой сильнейшие инструменты власти, а в топологию города, как мы помним, впечатаны символы иерархий и властные отношения.

По мнению Ги Эрнеста Дебора, основная идея психогеографии – «... конструирование ситуаций, т. е. конструирование краткосрочных сред существования и их преобразующее возведение в более высокое качество страсти. [...] Необходимо (преследуя цели целостного урбанизма и интегрального искусства) играть на максимальном разрушении внутренней гармонии»⁴. Неуловимость и экстремальный опыт в условиях привычной однослойной среды – вот светлая цель ситуационистов. Любыми, даже, на

³ Дебор, Эрнест Ги. Введение в Критику Городской Географии // Les Levres Nues. 1955. № 6.

⁴ Дебор, Эрнест Ги. Конструирование ситуаций. 1957 г.

первый взгляд, самыми нелепыми способами здесь преодолевается волна отчуждения, лишаящая индивида массового общества «*страстей высокого качества*» или собственно креативного порыва.

Получается, что психогеография исследует специфику влияний и эффектов городской среды (улиц, проспектов, бульваров, дворов, тупиков, площадей, памятников, дорог, архитектурных сооружений) на чувства, настроения и поведение индивидов и социальных групп, обитающих в этой среде. Задача психогеографа – «заменить» старые улицы города новыми. Дрейфуя по городу, надо переписать его как устаревшую книгу. Надо освободить город от жесткой сетки значений, навязанной ему привычкой, общественным мнением или властью. Надо «сконструировать» новые здания, улицы, подворотни. Одним словом, речь идет об однозначной практике присвоения через переживание того, что отчуждено урбанистической культурой. Необходимо вскрыть в привычном городе новое измерение, точнее – сделать его соразмерным себе. Это не стоит понимать в смысле возвращения человекоразмерности в глобальном масштабе, можно говорить лишь о ситуациях, каждый раз заново актуализирующих переживание собственной живости, причастности и уместности.

Основной метод психогеографии – *derive* – «бесцельное» шатание по городу в попытке осознать и зафиксировать ощущения и идеи, вызываемые конкретными урбанистическими пейзажами, а также изготовление воображаемых психогеографических карт города. Психогеография рассматривалась ситуационистами и их последователями как некая альтернативная творческая экспериментальная форма времяпрепровождения, как игра, развивающая революционное желание индивидов. Фактически, когда несколько позже Ж. Делез предложит концепцию номадизма (кочевания-перемещения по полю мета-нарративов и привычек), а Фуко противопоставит практики субъективации власти субъекта, они тем самым продолжат и разовьют мысль ситуационистов, только не в области социального спасения, а в поле философии.

Теория дрейфа, или Спасение утопающих – дело рук самих утопающих

Итак, очевидно, что интеллектуала или художника, рожденного и воспитанного городом, не могущего выжить ни в каком другом месте, от города никто кроме него не спасет. Нужен метод, идущий вразрез с логикой производства и потребления. Ситуационисты в столь сложной ситуации предлагают *derive* (дрейф, брожение) – способ экспериментального поведения, связанный с условиями существования урбанистического общества, техника мимолетного прохождения через различные пространства и среды. Дебор, автор метода, полагал, что «дрейфы содержат в себе игровое и конструктивное поведение, а также знание психогеографических эффектов и потому отличаются от общепринятых понятий путешествия или прогулки»⁵. В период дрейфа одна или несколько личностей на определенный период времени прекращают все социальные отношения, бросают работу и прочую деятельность, отказываясь от привычных стимулов для активного социального существования. В это время субъект любит окружающую местность и наслаждается случайными встречами. Фактор случая при этом играет не такую большую роль, как может показаться: с точки зрения дрейфа, города обладают психогеографическими очертаниями с постоянными потоками, исходными точками и завихрениями, которые сильно препятствуют входу в определенные зоны или выходу из них.

Характер дрейфа, безусловно, является урбанистическим. Дрейфовать в горах или в сельской местности бессмысленно, поскольку пространство здесь самодостаточно.

⁵ Дебор, Эрнест Ги. Теория Дрейфа // Internationale Situationniste. 1958. № 2.

Здесь можно прогуливаться. Суть дрейфа для промышленно развитых городов – центров возможностей и смысла – созвучна идее Маркса: люди не могут увидеть вокруг себя ничего из того, что не является их собственными представлениями, все говорит им о них самих.

В свое время соратники Ги Дебора в своих *derive* («прохождениях») по городу предлагали выбирать психогеографический маршрут, следуя за понравившимися запахами или неким цветом. Посредством этой нехитрой техники чуждое пространство города как бы перекодировалось, и с этого момента возвращение в «застывшую жизнь» уже не угрожало.

Итак, в случае с методой ситуационистов речь идет скорее о параллельной (альтернативной) структуре восприятия пространства (географического, а следовательно, и социального), основанной не на профанной схематизированной картографии, а на тонком и подвижном взаимодействии пространства города с топографией состояний души. В результате подобных усилий по преодолению урбанистического отчуждения должны возникать новые типы объектов, которым в принципе нет места в конвенциональной картографии города. «Зоны любви», «очаги хаоса», «сферы покоя», «шпили безмолвия» – таковы весьма поэтичные деборовские описания переосвоенной местности. Улицы следует переименовывать, установленными границами пренебрегать.

Но пренебрегать границами можно только в ситуации, когда эти границы четко оформлены. Революция возможна, лишь когда точно известно, где «верхи», а где «низы». Современный город не оставляет нам даже этой роскоши. Сегодня мегаполис – это нерасчленимый поток информации, транспорта, звука, света и т. д. Сегодня урбанисты говорят об информационном обществе. Концепция «информационного общества» – это разновидность теории постиндустриализма, основу которой заложили З. Бжезинский, Д. Белл, Э. Тоффлер. Рассматривая общественное развитие как «смену стадий», сторонники этой теории связывают его становление с преобладанием «четвертого», информационного сектора экономики, следующего за сельским хозяйством, промышленностью и экономикой услуг. Капитал и труд как основа индустриального общества уступают место информации и знанию. Иными словами, революционное снятие отчуждения, на которое надеялись многие, начиная с Маркса и заканчивая ситуационистами, приходит к самоисчерпанию. Да и характер отчуждения в рамках мегаполиса изрядно меняется. Революционизирующее действие информационных технологий приводит к тому, что в обществе нового типа классы заменяются социально недифференцированными «информационными сообществами». Эти микро- и макро-сообщества чисто виртуального характера формируются и распадаются с невероятной скоростью, порождая новый пласт проблем.

Город сегодня: потоки и волны

Каков современный технологизированный мегаполис? Разумеется, это не просто большой город, в котором много домов, людей и техники. Сегодня количество уже давно и безвозвратно перешло в качество. Как это ни странно, именно тенденция к унификации, заданная логикой капиталистического производства и поддержанная логикой потребления, породила контртенденцию. Появился запрос на новую технологию, расширяющую поле приватного смысла. Таким образом «информационный взрыв» можно рассматривать как порождение отживших структур.

Мануэль Кастельс в «Информационной эре» говорит, что в современных условиях развитых телекоммуникаций пространство города пополняется еще одним уровнем, или этажом. Этот уровень он назвал пространством потоков.

Пространство нечеловекообразных потоков все больше вступает в противоречие с пространством места. Собственно, потоки — это и есть та отличительная черта, которая радикально отделяет город эпохи индустриализма от современного мегаполиса. Отчуждение, проявившееся в городе производства, намного более «человечно», как это не издевательски звучит, нежели отчуждение города потребления. И дело здесь совсем не в идеалах гуманизма, а в элементарном восприятии пространства.

Транспортные потоки, например, загнанные в русла дорог, деформируют не только восприятие пространства, но и восприятие времени. Дорога в мегаполисе вообще начинает восприниматься как тотальное препятствие, как чистая ситуация преодоления, нечеловеческий поток, живущий по своим правилам. Формируется удивительный с точки зрения повседневного опыта навык усложнения пространственного восприятия. Традиционно и естественно человек оценивает свое местоположение в пространстве через соотнесение с удаленными от него объектами. Как правило, по опыту или по аналогии уже известно, каково расстояние до того или иного объекта, каково может быть кратчайшее расстояние от точки А до точки В и каков отрезок времени, необходимый для преодоления данного расстояния. Так было всегда. Антропологи утверждают, что в этом даже заключалась сила нашего вида – в умении быстро и правильно ориентироваться в пространстве. Но похоже, что потоки современного мегаполиса лишают нас этой видовой привилегии. Житель мегаполиса ежедневно воспитывает в себе новые навыки. Видя цель (свой дом, например, или другую сторону тротуара), он вынужден не двигаться напрямую, но искать подземный переход, или перекресток, или светофор, одним словом, нечто, позволяющее наиболее безопасным образом достичь цели. Таков нелегкий удел пешеходов. Автомобилисты, имея гарантированные квадратные метры личного пространства, при этом сталкиваются с инверсивной проблемой времени, получившей имя «пробки». Тот же странный опыт неожиданности и неприятного сюрприза, где знание о времени, затраченном на преодоление некоего расстояния, каждый раз не совпадает с реальным положением дел.

Аудио- и видеопотоки современного мегаполиса также чрезвычайно усложняют восприятие пространства. Фактически, мы оказываемся между молотом и наковальней, просто перемещаясь по городу по своим личным делам. В качестве «молота» здесь выступает информирующая нас обо всем без разбора аудио- и видеореклама, работающая на все целевые группы, старающаяся захватить максимальную аудиторию потенциальных потребителей и если не сформировать желание, то по крайней мере вызвать интерес. В качестве же своеобразной «наковальни» выступает само поле всевозможных товаров, немыслимое количество которых продолжает наращивать объемы потребления. Таким образом, обычная прогулка современного горожанина обрушивает на него волны информации, против которой не может быть сформирован здоровый иммунитет. Имеющий уши – слышит. Имеющий глаза – видит. И с этим простым фактом ничего нельзя сделать. Обычные цели нашего повседневного существования — прогулка по парку, поездка на работу и т. п., вынужденно сосуществуют с логикой общества потребления, выходящего на новую информационную орбиту.

Уже привычное отчуждение однотипных городских улиц и архитектуры – наследия индустриальной эпохи — усиливается безличными и стремительными телекоммуникационными потоками, не совпадающими с жизнью города. Признаками нового рода отчуждения становятся, например, постоянные разговоры по мобильным телефонам на улицах и в метро. По сути, мы наблюдаем процесс ситуативного формирования дистанционного микросообщества в рамках реальной группы.

Привычная картина – в маршрутном такси, машине или метро через пробки и заторы по своим делам не один час едут горожане. Никому из них и в голову не придет начать беседовать друг с другом – это уже неестественная ситуация и даже дурной тон. Но каждый из них охотно, долго и со вкусом будет беседовать по мобильному телефону, общаясь с другом, решая текущие проблемы на работе, воспитывая ребенка, строя планы на выходные и т. п. С одной стороны, мы можем говорить о невероятном отчуждении, о кризисе способности коммуницировать, но, с другой стороны, здесь можно говорить о формировании новой способности – создавать и поддерживать ситуативные сообщества «своих», бдительно охраняя их от «чужих». Даже если «свои» находятся за многие километры, а «чужие» в полуметре от нас.

Город XXI века многолик и нестабилен. Навязчивое мелькание уличных рекламных мониторов, так называемые «гибридные места» (вокзалы, остановки, супермаркеты и т. п.), виртуальное пространство, общение в чатах, Интернет-браки, дистанционная работа, индустрия развлечений, публичные и приватные зоны – все это темы, заслуживающие отдельной детальной проработки в рамках современной урбанистики. Напряженная обстановка в «узловых» точках города свидетельствует о растущем разрыве между пространством потоков и пространством места. Сегодня в городе остается все меньше места, и это не только кризис пространства, но, прежде всего, кризис его освоения. Мы видели, что древний город преобразует чуждое место в свое, окружая его стенами, город эпохи индустриализации заменяет места промзонами, и, наконец, современный мегаполис формирует пространства потоков. Отчуждение всегда сопутствовало и будет сопутствовать городу. В каком-то смысле, отчуждение и есть эффект нового опыта социализации городского типа. Здесь мы ставили перед собой задачу дать лишь самый краткий набросок истории отчуждения, причем только в том ее аспекте, который касается трансформации городского пространства.